

KEITH BRANIGAN, *The Foundations of Palatial Crete. A Survey of Crete in the Early Bronze Age, L., 1970, XVI+232 стр., 16 таблиц, 47 рис.*

Раннеминойскому периоду истории Крита, эпохе, когда были заложены основания минойской цивилизации, до недавнего времени уделялось незаслуженно мало внимания. Археологические отчеты, немногочисленные работы, посвященные отдельным аспектам раннеминойской культуры¹, несколько страниц в общих трудах Пендлбери, Хатчинсона и Шахермейра² — вот и все, что имелось в распоряжении исследователей до появления книги молодого бристольского археолога К. Брэнигена. «Основы дворцового Крита» — первая специальная монография, в которой делается попытка общего исследования раннеминойской культуры.

Центральной темой книги, как формулирует ее сам Брэниген, является «долг дворцового Крита цивилизации раннего бронзового века»³. В каждой главе автор прослеживает развитие отдельных аспектов критской культуры от субнеолитического периода до возведения дворцов в SM I периоде и на основании своих исследований приходит к выводу, что, несмотря на разнообразные культурные влияния извне, возникновение минойской цивилизации обусловлено прогрессивным развитием местной культуры раннего бронзового века.

Первая глава рецензируемой книги имеет вводный характер. В ней излагаются исторические и географические условия, в которых сложилась и развивалась поддворцовая культура Крита, а также дается краткая история археологических исследований раннеминойских поселений. Глава вторая посвящена вопросам хронологии раннеминойского периода. Соотнося раннеминойскую хронологию с раннеэлладской и раннекикладской, Брэниген устанавливает следующие датировки: PM I 2900/2800—2600/2500; PM II 2600/2500—2200; PM III 2200 — около 1991 г. (отметим, что эти даты очень близки к хронологии С. Маринатоса)⁴.

В третьей главе («Домашняя архитектура и поселения») прослеживается история критских жилищ от пещеры до дворца. Не допуская самого простого и, на наш взгляд, самого вероятного предположения, что в планировке дворцов Крита сказывается преемственная связь с «блочным» расположением жилищ во многих раннеминойских поселениях, автор в поисках протодворцов ошибочно принимает за «дом богатого человека» недавно раскопанное П. Уорреном поселение PM II периода в Миртосе (Фуриу-Корифи). Небольшие, лепящиеся друг к другу постройки, часто с кривыми стенами, сгруппированные в несколько блоков и разделенные извилистыми проходами, красноречиво говорят сами за себя⁵. Так называемый «дом на вершине холма» (PM II период) в Вассилики также, вероятно, не был протодворцом, каковым его вслед за многими исследователями считает Брэниген, но представляет собою часть поселка. Однако окончательное решение вопроса станет возможным, лишь когда раскопки этого интересного комплекса, не законченные Сигером, будут завершены.

Глава четвертая, где рассматриваются различные аспекты экономической жизни критян поддворцового периода, наиболее интересна благодаря обилию ценных сведений и оригинальных суждений автора. Особое внимание обращают на себя разделы, посвященные деревообработке и металлургии, что, впрочем, неудивительно для тех, кому

¹ См. библиографию на стр. 216—222 книги Брэнигена.

² Дж. Пендлбери, Археология Крита, М., 1950; R. W. Hutchinson, Prehistoric Crete, L., 1962; F. Schachermeyr, Die minoische Kultur des alten Kreta, Stuttgart, 1964.

³ В рецензии термин «цивилизация» по вполне понятным причинам прилагается только к дворцовому периоду.

⁴ См. Schachermeyr, ук. соч., стр. 46.

⁵ См. план поселения в Миртосе, опубликованный в книге: C. Renfrew, The Emergence of Civilization, L., 1972, стр. 92, рис. 65.

известно давнишнее пристрастие Брэннгена к этой области знаний⁶. Правда, иногда, очевидно, желая как можно более основательно аргументировать свои мысли, автор прибегает к весьма сомнительным интерпретациям археологических памятников. Например, стремясь доказать существование кожевного ремесла в раннеминойском периоде, он принимает сетчатый орнамент на некоторых ритонах в виде быка (из гробниц Мессары и Мохлоса) за изображение кожаной ритуальной упряжки. На наш взгляд, эта роспись ритона свидетельствует о действительно существовавшей в этот период ритуальной раскраске быков, параллель чему можно найти в Египте, хотя, конечно, и не исключена возможность, что сетка была чисто орнаментальным мотивом.

Много места в этой главе уделяется керамическому производству, которое постоянно играло важную роль в хозяйственной жизни минойцев. Рассматривая некоторые изображения на призматических печатях РМ III — СМ I периодов, которые еще Ксантудидис, следуя Эвансу, назвал «гончарными», Брэннген заключает, что сцены изображенные на этих печатях, «могут быть соотнесены с различными стадиями гончарного производства». К сожалению, основная масса «гончарных печатей» оставлена автором без внимания, он редко обращается к богатому изобразительному материалу печатей, в то время как исследование этого ценного материала могло бы привести к более глубоким выводам⁷.

Главы пятая («Религия и ритуал») и шестая («Общество и социальная организация»), по нашему мнению, самые слабые. Автор, оспаривая значение работ Нильсона, Персона, Уиллетса и других исследователей минойской религии, отказывается от использования письменных источников и материалов этнографии, вследствие чего глава о религии превращается в собрание (и притом далеко не полное) археологических памятников, относящихся к области религиозных верований и культа. Узко археологический подход, характерный для Брэннгена, обычно игнорирующего свидетельства сравнительного религиоведения, приводит автора к не выдерживающему никакой критики выводу о «персональном характере» религии критян до момента появления нагорных святилищ (в начале СМ Ia). В весьма многословных рассуждениях относительно проблем раннеминойского общества, автор значительно отстает от данных археологических памятников. Замечания Брэннгена о гипотетическом «предводителе общины» и его функциях совершенно бездоказательны, а повторение избитого утверждения об отсутствии рабов у минойцев лишь потому только, что рабство якобы «противоречит духу минойской цивилизации», не нуждается в комментариях.

В главе седьмой, посвященной искусству, автор основное внимание сосредоточивает на керамике. Справедливо сетуя на тех исследователей, которые рассматривают доисторическую керамику только как хронологический материал, пренебрегая ее эстетической ценностью, Брэннген впадает в другую крайность, приравнивая изделия критских гончаров РМ I периода шедеврам дворцового искусства. Бесспорно, лучшие сосуды стиля Агиос-Онуфриос (РМ I) — подлинные произведения искусства, однако вряд ли их можно поставить в один ряд с керамикой стиля Камарес и с «марсельской амфорой», как трудно признать равноценными в художественном смысле сосуды геометрического стиля (сами по себе исключительные) и, например, вазы Эжески. Жаль, что автор незаслуженно обделил остальные виды раннеминойского искусства: сосуды из камня, лучшие образцы ювелирного искусства и мелкой пластики в той же степени, что и керамика, обнаруживают свойственную минойским мастерам наблюдательность, богатое воображение, интерес к фактуре и форме.

В главе восьмой («Погребальная архитектура и похоронный ритуал») обстоятельный разбор памятников из захоронений (преимущественно мессарских толосов) соче-

⁶ См. его первую монографию («Copper and Bronzework in the Early Bronze Age Crete», Lund, 1968), а также статьи: Silver and Lead in Prepalatial Crete, AJA, № 72, 1968; Early Aegean Hoards of Metalwork, «Annual of British School at Athens», v. 64, 1969.

⁷ Ср. интересную и во многом до сих пор не устаревшую, хотя и спорную, работу Б. Л. Богаевского (Гончарные божества минойского Крита, Л., 1931), опубликованную в виде тезисов в Осло и Вашингтоне.

тается с выводами, которые не отличаются ни глубиной, ни оригинальностью; контраст этот, кстати сказать, вообще характерен для авторской манеры. Огромный материал, который дали раннеминойские погребения, позволяет Брэнигену сделать весьма странное заключение относительно представлений критян о загробной жизни: «ранние минойцы обладали верованиями, которые были достаточно зрелыми для того, чтобы представить духовную загробную жизнь не обязательно зависящей от продолжения существования тела». Выделение погребальной архитектуры вместе с похоронным ритуалом, о котором автор ничего определенного не сообщает, не оправдывает себя и придает и без того рыхлой композиции книги еще большую беспорядочность.

Весьма ценную информацию содержит глава девятая, посвященная торговле и внешним сношениям. Интересны суждения автора о кораблях и об устройстве портов в раннеминойскую эпоху, о предметах импорта и экспорта; однако следует отметить, что выводы о существовании торговых связей делаются иногда на основании данных слишком незначительных, а подчас и просто спорных⁸. В последней, десятой главе, обсуждаются различные спорные вопросы раннеминойской истории (в основном проблемы культурных влияний и иммиграции), а также неотложные задачи, стоящие перед археологами, занимающимися проблемами раннего бронзового века Эгейды. В приложении дается перечень открытых для обозрения раннеминойских поселений. Книга завершается подробной библиографией, в которой имеется, однако, ряд неточностей, и общим указателем. Удачен подбор рисунков и фотографий, сочетающий хрестоматийный материал с редким и новонайденным. Некоторое недоумение вызывают странные для английского языка версии греческих слов: *larnake* (вместо *larnax*), *puxide* (вместо *puxis*), *lakarne* (вместо *lekane*?).

Подводя итог, следует подчеркнуть, что узко археологический подход к теме, отказ от использования аналогий и параллелей делает книгу Брэнигена скорее неполным сводом более или менее удачно сгруппированного и интерпретированного раннеминойского археологического материала, нежели подлинным исследованием культурно-исторического комплекса, который послужил основой для дворцовой цивилизации минойского Крита.

⁸ См. рец. П. Уоррена на книгу Брэнигена в JHS, v. 92, 1972, стр. 239.